

УДК 821.161.1

LEV LUNTS – CRITIC AND THEORETIST OF LITERATURE (BY THE MATERIAL OF THE REPORT «TO THE WEST!»)**ЛЕВ ЛУНЦ – КРИТИК И ТЕОРЕТИК ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ДОКЛАДА «НА ЗАПАД!»)****Kryzhanovska O.O. / Крижановская О.А.***d.filol.s., prof. / д.филол.н., проф.**Northwest Normal University Lanzhou, Anning E. Road, 967, China**Северо-Западный университет, Ланьчжоу, Анинг Е. Road, 967, Китай*

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов творчества Льва Лунца. Писатель был одним из главных участников литературной группы «Серрапионовы братья». В статье исследуется доклад Льва Лунца «На Запад!» (1922), который позволяет понять эстетические и художественные доминанты писателя, его теоретические достижения. В докладе высмеивается провинциальность современной автору русской культуры. Автор противопоставляет русскую литературу западной традиции. В центре внимания доклада Л.Лунца находится термин «фабула», значение которого обусловлено связью с русскими формалистами. Под фабулой автор доклада понимает напряженный сюжет, занимательность и авантюристичность литературного произведения.

В драматических произведениях Л.Лунц справедливо называет сценичность главным критерием художественности. Категорию фабулы в драматургии Л.Лунц соотносит с понятием театральности и сценичности, которые ориентируются на зрительский интерес. Автор доклада подчеркивает, что в 1920-х годах в русской литературе обнаруживается кризис романного жанра. Современную ему литературу Л.Лунц, сравнивая с западной, называет скучной и безграмотной. Автор призывает писателей учиться у западной литературы, ориентироваться на западную традицию.

Ключевые слова: Л. Лунц, фабула, традиция, роман, драматургия, водевиль.

Введение.

Л. Лунц – один из наиболее ярких писателей литературной группы «Серрапионовы братья». Талантливый писатель, опередивший свое время, он выступал так же, как и связующее звено молодых авторов, собравшихся в творческое объединение. В истории литературы известно, что И. Груздев, М. Зощенко, Вс. Иванов, В. Каверин, Л. Лунц, Н.Никитин, Н. Тихонов, Е. Полонская, В. Познер, М. Слонимский, К. Федин были в составе литературной группы «Серрапионовы братья» [3]. Напомним о том, что писатели-«серрапионы» условно делилась на три группы: «западников» (ориентировались на литературу Запада), «восточников» (авторы бытовой орнаментальной прозы, которые активно использовали диалекты, устное народное творчество) и «центристов» (продолжали традиции русской классической литературы). Л. Лунц представлял западное крыло группы, именно поэтому основные положения доклада молодого писателя хотя и не иллюстрируют взгляды большинства «серрапионов», однако важны для создания целостной картины понимания литературного творчества.

Л.Лунц – главный теоретик и литературный критик «серрапионов». Ранняя смерть писателя обнаружила разнородность «Серрапионовых братьев», которая, в конечном итоге, привела к распаду группы. Необходимо отметить, что идея Л. Лунца о том, что именно на «серрапионах» лежит миссия изменить

современную русскую литературу, поддерживалась писателями, они действительно осознавали это.

В частности, К. Федин в письме к И. Соколову-Микитову от 7 декабря 1922 года не только подтверждает эту мысль, но и повторяет ее из доклада Л. Лунца: «Серрапионовцы по-разному идут к одной и той же цели: оживление русского повествования. Тут разные силы приложены к одной точке. Один работает над сюжетом (и перегибает палку – Лунц, кричащий «На Запад!»), другой – над словом (и тоже худо – Никитин, которого не понимаешь без подстрочника), третий – над фольклором (Зощенко), над пересадкой на русскую почву германской фабулы (Каверин). Достичь идеального уместения наибольшего числа элементов, из которых слагается повесть, в одном произведении – вот цель, смысл, оправдание нашей работы. Если нам не удастся – удастся будущему поколению, а мы, как усердно советует Лунц <...> унавозим ему почву» [1, с.70–71].

Наиболее глубоко свои размышления о перспективах развития эпических и драматических жанров Л.Лунц изложил в докладе «На Запад!», который был прочитан собранию «Серрапионовых братьев» 2 декабря 1922 года. Идеи автора, по-нашему мнению, нуждаются в глубоком исследовании, поскольку позволяют увидеть новаторский характер литературоведческих поисков автора.

Основной текст.

Доклад «На Запад!» построен на высмеивании провинциального отношения в русской культуре к западной традиции. В начале доклада Л. Лунц, пародируя советскую критику, передает ее восприятие французского романа П. Бенуа «Атлантида», который был встречен западным читателем «с исключительным восторгом» [4, с. 343]. Советская критика отреагировала на роман отрицательно, поскольку он не отражал злободневных проблем и не решал задач, оставленных современностью: «Успех «Атлантиды» – показатель крушения западной буржуазной культуры. Запад разлагается. Утомленный войной, он ищет отдохновения в экзотике и авантюрных пустычках, уводящих его далеко от строгой действительности. «Атлантида» щекочет нервы западным буржуа, а они – о живые трупы! – вместо Барбюса и Роллана читают Бенуа» [4, с. 343]. Здесь автор точно приводит традиционные для русской послереволюционной критики стереотипные клише, которые в те годы только начали появляться, засилье вульгарной социологии в литературоведении было впереди, и Л. Лунц предвидел это.

Разговор о романе П. Бенуа служит только поводом критику, чтобы перейти к рассуждению о необходимости развития приключенческой литературы, которая давно уже существует на Западе. В России не только писать, но и читать книги Г. Хаггарда, А. Дюма, Ф. Купера взрослым людям «непристойно»: «Их ждет скучнейший, но серьезнейший Глеб Успенский <...> Бульварной чепухой и детской забавой называли мы то, что на Западе считается классическим. Фабулу!» [4, с.343].

Под фабулой Л. Лунц в данном фрагменте подразумевает «уменье обращаться со сложной интригой, завязывать и развязывать узлы, сплести и расплести», – то есть все то, что составляет основу приключенческой

литературы. Фабула в понимании автора доклада «означает то, что один из учителей Лунца <...> Шкловский предпочел бы назвать в то время сюжетом, то есть способом построения, в отличие от фабулы как материала, композиционно организуемого в сюжете» [2, с. 614]. Обращение здесь к термину «фабула» обусловлено связью с русскими формалистами, которые активно употребляли этот термин. Автор подчеркивает, что презрение к фабуле, к тому, что «добыто многолетней кропотливой работой, создано преемственной и прекрасной культурой» [4, с. 344] Запада обнаруживает провинциальный характер русской литературы.

В следующей части доклада Л. Лунц утверждает: «Русского театра не существует. Нет и не было» [4, с. 344], потому что драматические произведения несценичны, они лишены напряженного конфликта, драматурги не знают «простейшие законы сценического действия» [4, с. 345]. Главная проблема, по мнению автора доклада, заключается в том, что в драматургии преобладают философские, психологические, социальные вопросы и полностью игнорируется понимание законов театрального искусства. При этом в русском театре, в отличие от западного, нет системы, нет традиций и школы: «Общественность увела русскую драму на новые места, где <...> без всякой западной техники, без всяких тем, машин и хитроумных приспособлений выросла русская «настоящая» драма: сытная, жирная, провинциальная и сценически безграмотная» [4, с. 345].

В драме для Л. Лунца главным критерием выступает сценичность, потому что этот род литературы изначально ориентирован на зрителя, на сценическое воплощение, но подчиненность авторов социальным проблемам лишила драматические произведения привлекательности в глазах зрителя, «и только «низкий» водевиль, до которого не снисходила общественность, смог развиваться в систему. И русский водевиль – единственное, чем может похвастать наша сцена» [4, с. 345]. С этой точкой зрения нельзя не согласиться, потому что сценическая привлекательность водевиля не вызывает сомнения. Проблема, о которой говорит в этой части доклада Л. Лунц, действительно важна. Она позволяет понять его заслугу как теоретика литературы, который глубоко понимал процессы художественного творчества.

Утверждение Л. Лунца о том, что только русский водевиль смог развиваться в систему, создать театральную традицию, достаточно показательно. Молодой автор глубоко понимал проблему репертуарной невостребованности талантливых произведений. В то же время незначительные по своему идейному содержанию водевили длительное время не утрачивают зрительского интереса. Именно теоретическое изучение жанровых особенностей водевиля позволило ему определить необходимые условия и закономерности жизни драматического произведения на сцене.

Сценичность достигается работой над фабулой пьесы, под которой Л. Лунц понимал определенную технику построения произведения, наличие таких эффективных приемов, которые позволяют вызвать у зрителя интерес и эмоциональный отклик. Эти размышления Л. Лунца о сценичности художественных произведений выявляют близость к современным

исследованиям о драматургии.

Далее Л.Лунц переходит к рассмотрению кризиса романного жанра. Реалистические произведения И. Тургенева, И.Гончарова, Ф. Достоевского, Л. Толстого автор доклада называет «великолепной системой русского романа» [4, с. 345], которая перестала существовать. Причины отсутствия романов Л. Лунц объясняет невниманием к формальной стороне произведения, тем, что писатели, усвоив идейный смысл, философские положения романного творчества Ф. Достоевского и Л. Толстого, все остальное считают второстепенным и нарушающим единство формы и содержания: «У нас роман зачах, потому что мы забыли про фабулу, про композицию, потому что заглохла и без того несильная фабульная традиция. Кто до последнего времени занимался композицией Достоевского или Толстого? Критику интересовали проблемы черта и Бога, зла и добра. Писателей-последователей – те же философские и социальные вопросы или, в лучшем случае, техника письма, стилистические приемы. А то, что русские романисты, особенно Толстой, бесконечно более дальнзоркие и мудрые <...> работали над фабулой, над завязкой и развязкой, учились композиции у западных писателей, – этого никто не видел» [4, с. 346].

Всю современную литературу, для которой характерны стилизация, психологизм, идеология, бытописание и орнаментальность, Л. Лунц называет скучной безграмотной и снова проводит параллель с западной литературой, где «от писателя обязательно требуют одного: презренной занимательности. Чтоб интересно было читать, чтоб оторваться нельзя было от интриги. Это первое требование и труднейшее <...> связать фабулу может только человек. Прошедший большую школу, писатель вскормленный многолетней культурой, преемственной связью всеми враждующими школами. Бальзак вводил в реалистический роман авантюристический сюжет <...> Диккенс увлекал читателя <...> Флобер преклонялся перед Гюго. Золя, «натуралист», искал в будничной жизни мощной интриги <...> Культура фабулы на Западе непобедима. И поэтому западный роман не умер» [4, с. 347].

Для Л. Лунца проза – результат длительной собирательной деятельности многих поколений писателей, каждый из которых может быть и безвестным. Популярная в те годы вёльфлиновская идея истории искусств без имени <...> Лунцем <...> применяется к прозе. По Лунцу у Запада надо учиться прежде всего потому, что там был пройден длительный путь выработки фабулы, на которой у молодой русской литературы не хватило времени» [2, с. 614].

Бесфабульность современной ему литературы Л. Лунц объясняет засилием общественной критики, которая подчиняет себе художественное творчество и требует «отображения действительности, житейских взаимоотношений <...> Отображение это должно стать центром, целым, всем. Все искусственное – недопустимо. А сложная фабула всегда искусственна, выдумана. Поэтому – вон ее?» [4, с. 347]. Этот риторический вопрос позволяет Л. Лунцу вступить в полемику с официальной критикой, с теми, кого он называет «народники», подразумевая их стремление насадить бытописание, натурализм, орнаментальную прозу.

И далее Л. Лунц высказывает ключевую для его понимания его творческих задач мысль о том, что «искусство преобразует мир, а не срисовывает его» [4, с. 347], поэтому «народничество – вот типичное уродливое порождение нашей антифабульной критики <...> Большинство наших писателей ушло туда, откуда мы отталкивались. В народничество! Вы – народники, типичные русские провинциальные и скучные, скучные, скучные писатели» [4, с. 348].

В заключении Л. Лунц обвиняет «серапинов» и себя самого в предательстве фабулы, западной ориентации, ведь братство создавалось как «яркое фабульное, даже антиреалистическое» [4, с. 348], но через два года молодые писатели «бросили, забыли, продали фабулу за чечевичную похлебку литературного крикливого успеха» [4, с. 349].

Л. Лунц призывает братьев учиться фабуле, создавать плохие, но фабульные произведения, стать теми, кто восстановит утраченную фабульную традиция и своим безуспешным опытом откроет возможность другим поколениям создавать талантливые фабульные произведения: «Скорее всего, из нас и ничего не выйдет. Но я знаю, верю, что за амии придут другие и третьи, которые двинутся по той же дороге, которые воспользуются нашими малыми достижениями, чтобы пойти дальше» [4, с. 350].

Л. Лунц настойчиво призывает писателей учиться у западной литературы, ориентироваться на западную традицию: «На Запад! Тот, кто хочет создать русскую трагедию, должен учиться на Западе, ибо в России учиться не у кого. Тот, кто хочет создать русский авантюрный роман, должен учиться на Западе, ибо в России учиться не у кого. Но тот, кто хочет возобновить русский реалистический роман, и того я приглашаю смотреть на Запад! <...> Смотрите на Запад, если не хотите учиться у него!» [4, с. 351].

Выводы.

Были рассмотрены основные тезисы доклада Л. Лунца «На Запад!». В этой работе автор сопоставил русскую и западную литературные традиции. Л. Лунц убедительно показал, что русская литература 1920-х годов не развивается и не имеет какого-либо художественного значения. Он призывает писателей обращаться к фабуле и создавать интересные читателю произведения. В драматических произведениях, по мнению Л. Лунца, важна сценичность и конфликт, которые способны привлечь зрительское внимание. Итак, очевидно, что главные доминанты, которые определяют художественное мировоззрение Л. Лунца, заключаются в следовании западной фабульной традиции, в развитии занимательного, авантюрного начала, в стремлении ценой собственного писательского успеха обновить русскую литературу, сделать ее достойной внимания западного читателя.

Литература:

1. «Серапионовы братья» в зеркалах переписки. Москва: Аграф, 2004. 544 с.
2. Иванов В. Лунц и Мандельштам: фабула у Серапионовых братьев. *Revue des études slaves. L'espace poétique. En hommage à Efim Etkind.* 1998. Т. 70. f. 3. Р. 613–617.

3. Крижановська О.О. «Ланка»-МАРС та «Серапіонові брати»: порівняльно-типологічний аспект: монографія. Київ: ТОВ НВП «Інтерсервіс», 2021. 352 с.

4. Лунц Л. «Обезьяны идут!»: Собрание произведений. Санкт-Петербург : ООО ИНАПРЕСС, 2003. 752 с.

***Abstract.** In the article Olga Kryzhanovska explores various aspects of the work of the Russian writer Lev Lunts. The writer was one of the main members of the Serapion Brothers literary group. In the article, Olga Kryzhanovskaya focuses on the report by Lev Lunts «To the West!» (1922). Here are the main aesthetic and artistic dominants of the writer, his theoretical achievements. In the report, Lunts criticizes Russian literature of 1920. He calls Russian literature boring and provincial. The focus of Luntz's report is the term «plot». The plot for the writer is an interesting plot, adventurous content. In dramatic works, Luntz calls the stage presence the main characteristic of the work. The author of the report emphasizes that in Russian literature there is a crisis of the genre of the novel. Luntz compares contemporary literature with the literature of the West, calls his native literature boring and illiterate. The author believes that all Russian writers should learn from Western literature, focus on the Western tradition.*

***Key words:** L. Lunts, plot, tradition, novel, drama, vaudeville.*